

Цин Янь никогда не мог предположить, что окажется в подобной ситуации. Он, «мыслительный гигант», человек, который видел «бегущую свинью»* только в небольшом видеоролике, никогда не пробовавший этого в реальности. И вот такое происходит именно с ним, причем по воле Цю Хэняня, который прямо на его ладони продемонстрировал последствия. Это одновременно вызывало смущение и удивление.

Но жара в пространстве за балдахином не оставляла времени на размышления. Лодыжка была сжата, колени согнуты. В тот миг Цин Янь, стиснув зубы, отвернулся, пытаясь подавить свои чувства. Когда же стало невозможно сдерживаться, он прикусил край одеяла, оставив на ткани влажное пятно.

(ПП: отсылка к пословице: «Даже если никогда не ел свинину, может узнать бегущую свинью». Ее часто используют для описания людей, которые лично не сталкивались с вещами, но слышали о них, видели их и имеют некоторое понимание.)

После всего Цин Янь, закутавшись в одеяло, лежал на кровати, красный как мак, его глаза блестели. Цю Хэнянь отошел к умывальнику и вымыл руки, после чего вытер их насухо и вернулся к постели.

Цин Янь молча смотрел на него, лицо пылало, а в глазах плескалась неуверенность. Цю Хэнянь сел рядом, легким движением убрал волосы с его лба и мягко спросил:

— Что случилось?

Цин Янь открыл рот, словно собираясь что-то сказать, но замялся. После короткого раздумья он зажмурился, будто собираясь с духом, и выпалил:

— Ты... только что... не думаешь, что я вел себя слишком... распущенно?

Услышав это, взгляд Цю Хэняня потемнел. Он опустился ближе, слегка коснулся его губ и охрипшим голосом ответил:

— Не думай ерунды. Ты был таким только из-за меня... потому что желал меня.

Его голос стал тише, почти шепотом:

— И это делает меня счастливым.

Цин Янь покраснел до кончиков ушей. Его ресницы дрожали, губы слегка приоткрывались, показывая белоснежные зубы и чуть розоватые десны. Он продолжал смотреть на Цю Хэняня таким же влажным, умоляющим взглядом, пока тот, уловив скрытое желание, не спросил сам:

— Не хочешь спать?

Цин Янь приподнялся и обеими руками обхватил плечи мужчины. Его лицо пылало, словно огонь, а губы, приблизившись к уху, прошептали:

— Но у меня... все равно зудит внутри.

Рука Цю Хэняня, лежавшая на колене, напряглась, вены проступили на кистях и предплечьях. Цин Янь, подняв лицо, смотрел на него, глаза блестели, словно готовые пролиться слезами от желания.

Цю Хэнянь закрыл глаза, видно, собираясь с силами, но, когда хотел встать, мягкое тело Цин Яня обмякло у него на груди, явно не тяжелое, но у него не хватило силы воли оттолкнуть его.

Наконец, словно смирившись с неизбежным, но с трудом скрывая неудержимое желание, Цю Хэнянь охрипшим голосом выговорил:

— В соседней комнате есть веревка... я принесу ее.

Цин Янь удивленно посмотрел ему вслед, пока тот поднимался. Голос Цю Хэняня, едва слышимый, словно вздох, донесся до него:

— Цин Янь, свяжи меня.

□□.....

На следующий день супруги встали позже обычного. Работа в кузнице осталась несделанной с прошлых суток. Быстро позавтракав, они почти не успели перекинуться парой слов, как Цю Хэнянь уже был на пороге, спеша по делам.

Цин Янь, вымыв посуду, вышел выливать объедки и встретил в саду соседа, Чэнь Юя, который развешивал одежду. Настроение Цин Яня было настолько хорошим, что он лучезарно улыбнулся. Чэнь Юй, увидев его, скривился и фыркнул:

— Что за выражение лица! От твоей улыбки у меня мурашки по коже.

Вернувшись домой, Цин Янь подошел к зеркалу, чтобы посмотреть, как выглядит его улыбка. Внимательно разглядев свое отражение, он заметил, что сегодня его глаза словно светятся радостью, кожа кажется более свежей и увлажненной, а на лице - выражение сытости и удовлетворения.

Он не мог не думать о том, что выглядел так все утро, и был уверен, что Цю Хэнянь это заметил. Это заставило его снова покраснеть от смущения.

Неожиданно взгляд Цин Яня упал на стоящий у стола деревянный стул с перекошенной спинкой, который казалось, готов вот-вот развалиться. Его лицо моментально залилось краской.

Закрыв руками горячие щеки, он сел на другой стул. Однако, как только опустился, почувствовал тянущую боль в бедрах и промежности, заставившую его поморщиться. В отличие от предыдущих раз, на этот раз зад не болел — лишь легкое ощущение чего-то инородного.

Прошлой ночью, не найдя подходящего места на кровати для крепления веревок, они переместились на пол.

Сейчас Цин Янь видел на ножках и подлокотниках почти развалившегося стула следы от туго затянутых веревок. Те оставили после себя потертости от постоянного трения.

Цин Янь быстро уставал. Спустя пару подходов его ноги начинали дрожать от напряжения, и он был вынужден делать паузы. Подобные перерывы, словно попытки чесать зуд сквозь обувь, доводили Цю Хэняня до крайней степени возбуждения. Его глаза наливались кровью, и он напоминал потерявшего контроль дикого зверя, заплутавшего в лесу.

Но с ограниченными движениями, связанными руками и ногами, он мог действовать лишь инстинктивно, как загнанное в ловушку животное.

.....

После того как дом был убран, а простыни и покрывала, смененные накануне, вывешены на солнце, Цин Янь надел верхнюю одежду и отправился к дому У Цюнянь. Вместе они взяли корзины с едой и направились в поле.

Сегодня была очередь У Цюнянь кормить работников, нанятых для работы в поле, и Цин Янь решил составить ей компанию, чтобы взглянуть на свои земли.

Их участки, доставшиеся в наследство от Кузнеца Вана, находились недалеко друг от друга, в получасе ходьбы от деревни. Некоторое время назад несколько нанятых работников расчистили поля, подготовив их к посеву.

Тридцать му земли Цин Яня находились у подножия горы, где почва была мелкой и скудной, явно уступаая участкам У Цюнянь по природным условиям.

Опытный наемный работник, которого нашла У Цюнянь, предупредил, что для богатого урожая

землю следовало обрабатывать еще с осени: удобрять, глубоко вскапывать и проводить полив до наступления зимы. Сейчас, конечно, можно было посеять, но эффект от удобрений и полива будет значительно ниже. Даже если растения вырастут высокими и крепкими, их колосья останутся пустыми и мелкими.

Цин Янь долго обдумывал этот вопрос, советовался с Цю Хэнянем и слушал рекомендации работников. В итоге они решили не сажать рис, как все, а посвятить землю посеву сои и сладкого картофеля. Небольшую часть участка оставили для зеленых культур: лука, рапса и китайской капусты. Это позволило бы избежать необходимости покупать овощи — хватило бы своих. Излишки же можно было бы продавать на рынке.

Эти культуры отлично подходили для посадки на бедных почвах. Они не требовали ни глубокого плодородного слоя, ни большого количества удобрений. После того как урожай будет собран осенью, землю можно будет как следует подготовить, и на следующий год выбор культур станет куда шире.

Когда Цин Янь и У Цюнянь прибыли в поле, было уже около полудня. Старший из четырех нанятых работников, заметив их, сразу подозвал остальных к обеду.

Ни Цин Янь, ни У Цюнянь не были жадными. Работа на поле — трудное дело, и если люди плохо едят, они не смогут хорошо трудиться. Поэтому каждый обед они обязательно приносили блюда с мясом.

Работники расстелили на межах немного соломы, чтобы сесть. Цин Янь и У Цюнянь сняли с корзин тканевые подстилки, под которыми находились горячие блюда. На импровизированном столе оказались большая чашка тушеной свинины с капустой и тофу, маслянистая запеканка из взбитых яиц, тарелка обжаренной картошки соломкой и целая корзина паровых булочек из смеси пшеничной и кукурузной муки. Блюд было так много, что еды хватило бы на всех с избытком.

Увидев угощение, лица работников засветились довольными улыбками. Пока они ели, не забывали проявлять вежливость, приглашая хозяев присоединиться.

У Цюнянь улыбнулась открыто и добродушно:

— Мы уже поели перед выходом. Сегодня тепло, ешьте спокойно, а потом отдохните подольше.

Старший работник, у висков которого уже пробивалась седина, с благодарностью кивнул, продолжая жевать, и между делом заметил:

— Мы работали у многих хозяев, но вы с этим молодым гером самые заботливые. Еда всегда сытная, мясная, и приносите вовремя, да еще горячую. Люди вы обходительные.

Цин Янь, улыбаясь, ответил:

— Мы с У Цюнянь не можем все время быть в поле. Будущий урожай этих десятков му земли полностью зависит от вас, так что нам приходится угождать вам!

Работники рассмеялись, довольные похвалой. Молодой работник, подбодренный словами, хлопнул себя по колену:

— Этот молодой гер все правильно говорит! Если честно, даже если хозяева каждый день ходят смотреть за работой, они ведь не смогут определить, сколько и как мы трудились. Все равно многое зависит от нас!

Старший работник откашлялся, слегка нахмурившись, и молодой, осознав, что слишком увлекся, смутился. Он тут же похлопал себя по груди, спешно добавив:

— Не волнуйтесь, сестрица, и вы, молодой господин. С такой хорошей едой мы будем работать на совесть!

После обеда Цин Янь остался в поле, чтобы немного помочь и научиться работать на земле. Только к вечеру, когда настало время готовить ужин, он вместе с У Цюнянь отправился обратно.

Всю дорогу он держался за спину, морщился и бормотал: «Каждое зернышко - это тяжелая работа», — чем только веселил У Цюнянь. Та, глядя на него, со смехом сказала:

— С такой тонкой и нежной кожей тебе лучше просто обед носить, а то когда жара придет, ты и вовсе растаешь!

Когда они добрались до дома, было уже поздно. Времени на тушение овощей не оставалось, да и одного блюда из жареных овощей на всех бы не хватило. Цин Янь решил приготовить лапшу с подливкой. Он ловко замесил тесто, оставил его на столе «отдохнуть», а сам принялся за подливку: нарезал размоченные древесные грибы, перец и свинину тонкими полосками.

Когда тесто стало достаточно мягким, он раскатал его в тонкие пласты и аккуратно порезал на узкие полоски. Лапша была готова.

Подливка уже была обжарена, когда домой вернулся Цю Хэнянь. Только тогда Цин Янь забросил лапшу в кипящую воду. Когда все было сварено, они вдвоем сели в передней комнате ужинать.

За едой никто не произнес ни слова, оба просто молча ели, сосредоточенно глядя в тарелки. Хотя они даже не разговаривали и не смотрели друг на друга, лицо Цин Яня постепенно начинало краснеть. Он никак не мог это скрыть и совершенно не контролировал

происходящее.

Когда ужин был окончен, Цю Хэнянь помог ему прибраться, вымыл кастрюлю и посуду. В какой-то момент их пальцы случайно соприкоснулись, и Цин Янь почувствовал, будто его ударило током. Щеки его вновь залила краска, а жар в лице так и не спадал.

Закончив с уборкой, Цю Хэнянь вынес на улицу почти развалившийся стул и начал чинить его, вооружившись инструментами. Цин Янь неловко присел неподалеку, наблюдая за его работой. Щеки у него опять стали красными. Цю Хэнянь на мгновение поднял взгляд, посмотрел на него, а затем вернулся к своему делу. Но вдруг его губы изогнулись в легкой улыбке.

Увидев это, Цин Янь, весь смущенный, закрыл лицо руками и опустился на колени, пряча лицо. Он долго не поднимался.

Внезапно снаружи раздался стук в дверь. Цю Хэнянь пошел открыть, и вскоре в комнату вошел Лю Фа.

— Сегодня в мастерской тофу делали пудинг из тофу, — сообщил он. — Жена попросила передать вам немного.

Лю Фа поставил маленький горшок на кухонный стол. Цин Янь принес ему табуретку, чтобы он мог сесть. Тот уселся и, наблюдая за тем, как Цю Хэнянь работает, начал беседу:

— Слушай, ну и крепко же надо сидеть на этом стуле, чтобы довести его до такого состояния!

Руки Цю Хэняня на мгновение замерли, но он ничего не ответил.

Лицо Цин Яня вспыхнуло до такой степени, что, казалось, кровь вот-вот закапает с его щек. Он поспешно отвернулся и, делая вид, что хочет налить воды, зашел в соседнюю комнату.

Однако разваливаться начал не только этот старенький стул.

Минувшей ночью голос Цин Яня, словно оборвавшаяся нить жемчужного ожерелья, дрожал и звучал все тише, пока его пальцы ног не сжались от напряжения, все тело не вытянулось, а движения Цю Хэняня не заставили кости дрожать, будто они готовы рассыпаться.